

Послѣдній кастелянъ Михайловскаго замка.

Въ наши дни, когда личность „гроссмейстера мальтійскаго ордена“, императора Павла Петровича, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только любителей исторіи, но и самыхъ широкихъ слоевъ русской публики, какъ о томъ свидѣлствуетъ начавшееся паломничество къ его гробницѣ, когда причудамъ, привычкамъ и вообще быту „гатчинскаго затворника“ посвящаютъ цѣлыя монографіи, когда собираютъ подробности не голько о немъ самомъ, но и о его приближенныхъ, не лишнимъ, можетъ быть, будетъ удѣлить немного времени воспоминаніямъ о бригадирѣ Иванѣ Семеновичѣ Брызгаловѣ, эксъ-кастелянѣ бывшаго Михайловскаго, нынѣ Инженернаго замка, тѣмъ болѣе, что нынѣшній 1916 годъ является 75-лѣтіемъ со дня смерти этой куріозной личности.

Глубоко заблуждается тотъ, кто повторяетъ, ставшее уже шаблоннымъ, опредѣленіе, будто *Петербургъ* скучный, неоригинальный городъ, прямолинейный, какъ его безконечныя „перспективы“, не хранящій въ своихъ нѣдрахъ почти ничего любопытнаго, кромѣ официальныхъ памятниковъ и красавицы-рѣки, вообще городъ неспособный, въ противоположность матушкѣ Москвѣ, блеснуть причудливостью типовъ или какой нибудь гримасою быта. Однако самое возникновеніе Петрограда „изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блаать“, по роковой волѣ одного человѣка, который умѣлъ, какъ можетъ быть никто другой изъ русскихъ, цѣнить все необычайное, куріозное, вообще всяческіе *жизненные раритеты*, опровергаетъ это ходячее мнѣніе и, напротивъ, оправдываетъ слова Достоевскаго, удивительные герои котораго почти всѣ избрали своимъ мѣстопребываніемъ Сѣверную Пальмиру, что Петербургъ—самый фантастическій городъ на земномъ шарѣ. И дѣйствительно, городъ дворцовыхъ переворотовъ, въ одну ночь возносившій, какъ въ

арабскихъ сказкахъ, однихъ на вершину могущества, славы и богатства, а другихъ низвергавшій въ ледяныя пустыни, городъ на набережныхъ и площадяхъ котораго въ причудливомъ калейдоскопѣ сочетались: купецъ-голландецъ или персъ, изящная французская актриса и нигилистъ-мечтатель съ бомбою въ карманѣ, надменный графъ, вчерашній брадобрей, и гордый британскій лордъ, а тамъ дальше: кофейницы, салонницы, „кавказскій майоръ“ Ковалевъ и его бѣглый Носъ, Пиковая Дама и трагическій Германъ, непостижимый Потемкинъ и скучающій „москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ“—этотъ городъ, конечно, выявилъ на своемъ короткомъ вѣку не мало чудеснаго, и не мало чудачковъ и странныхъ натуръ, самаго разнообразнаго возраста, состоянія и направленія, нашли себѣ пріютъ въ его стѣнахъ.

Къ числу петербургскихъ куріозовъ принадлежалъ и бригадиръ Брызгаловъ, которому наша историческая литература удѣлила, совершенно незаслуженно, очень мало вниманія. Такъ, напр., Пыляевъ въ своихъ извѣстныхъ „Чудакахъ и оригиналахъ“ отводитъ ему всего десять-пятнадцать строкъ. Повидимому замѣтками „Петербургскаго Сторожила“ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 70-хъ годовъ и Касьяна Касьянова¹⁾ въ его „Лѣтописяхъ Чудачествъ“ того же времени, ставшихъ нынѣ библиографической рѣдкостью, и исчерпываются всѣ свѣдѣнія о немъ.

Иванъ Семеновичъ Брызгаловъ,—сынъ крестьянина тверской дворцовой волости,—поступилъ на службу сначала въ истопники Гатчинскаго Дворца, еще въ то время, когда мѣстечко Гатчина была какъ бы удѣльнымъ владѣніемъ Павла Петровича, благосклонное вниманіе котораго онъ успѣлъ завоевать какими то невѣдомыми путями. Довольно быстро достигъ онъ должности камеръ-лакея, а затѣмъ и гофъ-фурьера. Когда въ великолѣпныхъ покояхъ Зимняго Дворца отходила въ лучшій міръ поклонница Вольтера и Дидро, а сбитая съ толка толпа дворцовыхъ прихлебателей, не зная, что ей предпринять, металась изъ стороны въ сторону, Иванъ Семеновичъ не терялъ даромъ времени и однимъ изъ первыхъ примчался на берега Невы изъ гатчинскаго затишья. Его преданность не была забыта и съ окончаніемъ постройки Михайловскаго замка онъ былъ пожалованъ оберъ-гофъ-фурьеромъ его, а чрезъ нѣсколько времени возведенъ въ званіе кастеляна внутреннихъ дворовъ этого „дворца крѣпости.“ На него была возложена отвѣтственная обязанность наблюдать за своевременнымъ опусканіемъ и подниманіемъ подъемныхъ мостовъ тѣхъ каналовъ, которые окружали убѣжище вѣнценоснаго рыцаря. На зарѣ XIX вѣка въ столицѣ россійской имперіи соблюда-

¹⁾ Касьянъ Касьяновъ—это, кажется, псевдонимъ того же Пыляева.

лись средневѣковые обычаи и едва ли какой либо русскій или западно-европейскій городъ, какъ бы ни былъ онъ оригиналенъ, могъ похвастать въ это время такой же особенностью. Занимая выгодную должность кастеляна, Брызгаловъ женился на дочери одного изъ придворныхъ служителей Зимняго Дворца, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь. Собственно говоря, до трагическаго 1801 года Иванъ Семеновичъ ничѣмъ особеннымъ, кромѣ выдающагося уродства и крайней скаредности, не отличался отъ остальныхъ смертныхъ и мирно проживалъ подъ сѣнію архистратига Михаила, по вечерамъ опускаая, а по утрамъ поднимая завѣтные мосты. Но видно плохо охранялись дворцовые входы и страшная мартовская ночь, перевернувъ все вверхъ дномъ, выбросила и кастеляна Брызгалова изъ насиженнаго мѣста. Послѣ 11 марта повторилась старая, но вѣчно юная исторія: одни вознеслись, другіе пали. Иванъ Семеновичъ не попалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Смѣтливый „охранитель входовъ“ предпочелъ золотую середину, учуявъ, какъ человѣкъ очень неглупый, что это будетъ выгодно, а главное спокойно. На этотъ разъ онъ не бросился заискивать передъ новымъ порядкомъ вещей, не сталъ свидѣтельствовать свою преданность. Ничего не порицая, но въ тоже время ничего и не добиваясь, онъ съ достоинствомъ, подобно Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой, какъ бы облекся въ глубокій трауръ и вѣчную скорбь по безвременно-угасшемъ благодѣтелю. Своимъ поведеніемъ, отнюдь не бывшимъ, хотя бы и пассивной, оппозиціей существующему, онъ какъ бы просто давалъ понять, что у него „все въ прошломъ“, что въ настоящемъ ему остается лишь „поклоненіе священной тѣни“. Разыгрывать роль осиротѣвшаго ему было тѣмъ легче, что незадолго передъ этимъ умерла его жена. Его „траурное“ поведеніе было замѣчено и оцѣнено, гдѣ слѣдуетъ. Императоръ Александръ и вдовствующая императрица Марія изъявили желаніе опредѣлить его сиротъ своими пенсіонерами въ учебныя заведенія, самому же Брызгалову былъ назначенъ ежегодный значительный пенсіонъ, который онъ сумѣлъ увеличить солидными пособіями на воспитаніе дѣтей, т. е., прикидываясь нѣжнымъ родителемъ, эксъ-кастелянъ заявилъ, что онъ не въ силахъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ катастрофъ разлучиться „съ любезными сынами и дочерью“. Такимъ образомъ грустный вдовецъ артистически использовалъ знаменитый девизъ „безъ лести преданъ“. Съ этого момента и начинается его безпечальное житіе, сопровождавшееся чудачествами, въ которомъ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, въ искаженномъ видѣ, отражались причуды его покойнаго властелина. Ограничившись въ отношеніи научнаго воспитанія дѣтей преподаваніемъ русской грамоты, каковую онъ вѣдрялъ въ нихъ при помощи своей знаменитой трости, называвшейся имъ „портеромъ“, онъ

устроилъ изъ нихъ вѣчто въ родѣ почетной гвардіи, которая и сопровождала его постоянно на его прогулкахъ. И вотъ жителямъ Петербурга вскорѣ успѣла намозолить глаза слѣдующая картина: по улицѣ важно выступалъ человѣкъ съ сухой, бурою красною физиономіей, бѣловатыми глазами, выдающимся подбородкомъ и носомъ, въ видѣ птичьяго клюва. Фигуру его облегалъ старомодный длиннополый мундиръ малиноваго цвѣта и бѣлые штаны подъ высокіе ботфорты, снабженные крагенами и шпорами съ колесиками; на головѣ пудренный парикъ съ пучками и тупеємъ, и огромная шляпа съ бѣлымъ плюмажемъ, надѣтая по павловскому уставу поперекъ, а не вдоль; въ рукахъ этой странной личности была трость съ набалдашникомъ, украшеннымъ какимъ то фантастичнымъ гербомъ, а въ разрѣзѣ фалдъ торчала длинная шпага съ серебрянымъ темлякомъ, въ желтыхъ юфтовыхъ ножнахъ. Это выступалъ бригадиръ Брызгаловъ. Его окружали сыновья, уже 18—20 лѣтніе парни, въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталончикахъ, въ цвѣтныхъ сапожкахъ съ кисточками, въ яркихъ ментикахъ, съ гусарскими киверами на головѣ. Эти охранители были вооружены жестяными саблями и деревянными, оклеенными серебрянной бумагой, ружьями, изъ которыхъ стрѣляли горохомъ, по командѣ эскъ-кастеляна, когда мальчишки ужъ слишкомъ наступали на процессію съ криками: „путь гороховой! бригадирскіе щенки! брызгалята!“ и т. п. Шествіе замыкала, или предваряла его, дочь бригадира, замѣчательная дурнушка лѣтъ 16, съ длиннымъ носомъ и кроличьими глазами, ходившая въ панталончикахъ съ оборочкой и короткой голубой или пунцовой юбкѣ, усыпанной блестками, и носившая на огромной головѣ, покрытой каштановымъ парикомъ, вѣнокъ изъ коленкоровыхъ цвѣтовъ и пѣтушиныхъ перьевъ. Въ сопровожденіи своей свиты, бригадиръ не пропускалъ ни одного уличнаго торжества столицы, облакаясь по такому случаю еще болѣе причудливо. На парадахъ, процессіяхъ и большихъ похоронахъ, онъ никогда не смѣшивался съ толпой, а старался держаться около генералитета, духовенства или, въ крайнемъ случаѣ, близъ полицейскихъ властей. Въ день Петра и Павла, во время праздника на валахъ Петропавловской крѣпости, а равнымъ образомъ 11 марта, Брызгаловъ отправлялся въ крѣпостной соборъ и тамъ расprostирался ницъ передъ саркофагомъ императора Павла. Благодаря всему этому, онъ скоро сдѣлался также извѣстенъ въ Петербургѣ, какъ здавіе Гостиннаго Двора или Адмиралтейскій шпицъ, и, конечно, многіе принимали его за помѣшаннаго, искренне сожалѣя бѣднягу. Но „бѣдняга“ отлично зналъ, что дѣлалъ, когда тыкалъ всѣмъ въ глаза своими странностями и нисколько не ошибался въ томъ, что его странности приносятъ и будутъ приносить ему значительныя выгоды. Въ своихъ прогулкахъ

Брызгаловъ иногда заходилъ на Литейную, гдѣ жилъ въ тѣ дни Аракчеевъ, бывший тогда на вершинѣ своего могущества. Постучавъ „портеромъ“ у форточки передней, бригадиръ спрашивалъ выглянувшую прислугу: „А что баронъ, дома?“ Ему отвѣчали, что его сіятельство графъ у себя. „Никакого графа я не знаю, а вѣдаю лишь павловскаго барона Алексѣя Андреевича Аракчеева“, строптиво возражалъ этотъ призракъ Михайловскаго замка, „поди доложи, бригадиръ Брызгаловъ, кастелянъ замка св. Архангела Михаила пришелъ!“ Аракчееву докладовали, и грозный временщикъ, хоть и морщился, а принималъ бригадира, угощалъ тминной водкой и бесѣдовалъ о временахъ прошедшихъ. Выпивъ и закусивъ, бригадиръ удалялся, привѣтствуя гостеприимнаго хозяина восклицаніемъ: „же ву салю, экселенць жeneralъ!“, единственная фраза, усвоенная имъ изъ французскаго діалекта. По какимъ то соображеніямъ или воспоминаніямъ, Аракчеевъ, вообще, покровительствовалъ Брызгалову и три раза въ годъ, 25 іюня въ день ангела Ивана Семеновича, въ новый годъ и въ Свѣтлое Воскресенье, адъютантъ графа передавалъ бригадиру пакетъ, запечатанный гербовою печатью съ извѣстнымъ девизомъ, въ которомъ пріятно похрустывали нѣсколько десятковъ яркорозовыхъ новыхъ ассигнацій. Брызгаловъ не забывалъ пользоваться расположеніемъ „павловскаго барона“ при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ послѣ наводненія 7-го ноября 1824 г., во время котораго онъ успѣлъ спасти почти все свое имущество, въ томъ числѣ и парадный малиновый мундиръ, онъ, благодаря покровительству Аракчеева, имѣлъ возможность подать въ собственныя руки императора Александра Павловича прошеніе о пособіи, въ которомъ исчислялъ свои фантастическія потери и настаивалъ на выдачѣ ему пособія не натурой, а деньгами, мотивируя это тѣмъ, что „чиновники кабинета Его Величества, конечно, не будутъ жалѣть денегъ царскихъ, при постройкѣ одѣянія и прочаго“. Ходатайство его было удовлетворено. Въ другой разъ онъ прислалъ въ комиссію о перестройкѣ Михайловскаго замка, выдававшей ему деньги на наемъ квартиры и дрова для ея отопленія, натурою, полѣно припечатанное его печатью съ заявленіемъ, что ему выдаютъ полѣна не установленнаго размѣра. При этомъ онъ грозилъ, что обратится къ самому государю, если на его заявленіе не обратятъ должнаго вниманія, и что государь, „сынъ своего безсмертнаго родителя, конечно, защититъ его стараго царскаго слугу, вѣрою и правдою служившаго и за подъемными мостами замка смотрѣніе имѣвшаго, и не дастъ его въ обиду и посмѣяніе“.

Уличное гаерство и строптивыя выходки Брызгалова не могли, конечно, несмотря даже на покровительство сильныхъ міра сего, пройти

безслѣдно для карикатуры того времени. Въ 1818 году въ книжной лавкѣ книгопродавца Заикина, торговавшаго по Садовой противъ Гостиннаго Двора, появился въ окнѣ литографированный портретъ какого то сутулаго субъекта съ тростью, въ мундирѣ XVIII вѣка, обращенный къ зрителю спиной, со слѣдующей подписью: „Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстный малиновый мундиръ временъ павловскихъ, коса котораго лучше его рожи изображаетъ его персону“. Портретъ этотъ былъ работы извѣстнаго художника Орловскаго, а подпись принадлежала не менѣе извѣстному остряку того времени князю В. П. Мещерскому. Популярность Брызгалова была такъ велика, что картинка со „спиннымъ“ портретомъ шла не хуже „Сонника“ или моднаго романа. Приказчики Заикина вспоминали потомъ: „только и слышно было: подай бригадира въ малиновомъ мундирѣ!“ Но вскорѣ въ лавкѣ появился самъ оригиналъ портрета съ своею саженною тростью и, потребовавъ бумаги, сургуча и веревокъ, упаковавъ, несмотря на протесты хозяина, всѣ экземпляры портрета и запечаталъ печатью, изображенной на набалдашникѣ его „портра“. Исполнивъ это, онъ категорически запретилъ своею властью, продавать „сей скверный пашквиль“ на его особу и величественно удалился, грозясь подать челобитную на дерзкаго рисовальщика „проклятаго ляха“. Портреты, конечно, распечатали и благополучно продавали, хотя подпись уничтожили и въ окнѣ магазина картинку уже больше не выставяли. Что же касается челобитной, то, несмотря на всю страсть къ клеузнничеству, эксъ-кастелянъ всетаки не рѣшился подать ее, т. к. Александръ Казиміровичъ Орловскій былъ любимцемъ самого цесаревича Константина Павловича, который не только лицомъ, но и правомъ находилъ на покойнаго императора, что, конечно, небезызвѣстно было „высокородному“, какъ любилъ себя величать Брызгаловъ, бригадиру.

Въ личной своей жизни Брызгаловъ, несмотря на очень хорошія по тому времени средства, былъ крайне скупъ, сварливъ и постоянно судился. Для домовладѣльцевъ, у которыхъ онъ нанималъ квартиры, постоянно мѣняя ихъ изъ за вѣчныхъ своихъ причудъ и неуживчивости, бывшій охранитель Михайловскаго замка былъ сущю язвою, т. к. неуклонно поднималъ противъ нихъ процессы, разбиравшіеся по тогдашнимъ правиламъ въ кварталахъ и у оберъ полицеймейсторовъ. На этомъ славномъ поприщѣ онъ такъ прославился, что об.-пол. С. А. Кокоскинъ о лицахъ сварливыхъ и придирчивыхъ говаривалъ: „vrai Brisgaloff № 2, chicaneur, calomniateur, sans foi sans loi!“..... Домашней прислуги „высокородный бригадиръ“ не держалъ, а выписывалъ къ себѣ деревенскихъ родственниковъ, жалованья имъ не платилъ, кормилъ скупо

и, пользуясь ихъ крестьянскимъ положеніемъ, нерѣдко отправлялъ на съѣзжую, какъ крѣпостныхъ служительницъ чиновника 5-го класса Брызгалова, скрывая, конечно, при этомъ свое съ ними родство.

Во время первой турецкой войны 1829 года, среди своего фиглярничества Брызгаловъ обратилъ вниманіе на дѣла военно-политическія и пришелъ къ мысли о необходимости устроить крестовый походъ Россіи противъ Турціи для отвоеванія Гроба Господня. Обурѣваемый этою идеей, онъ рѣшился добиться личной аудіенціи у Государя Николая Павловича, очевидно, помятуя „дней александровыхъ прекрасное начало“. Для этого онъ обратился съ письмомъ къ одному изъ адъютантовъ великаго князя Михаила Павловича, въ которомъ и излагалъ сущность своего „проекта“. Онъ разсчитывалъ, что государь удостоитъ его принять лично „для пополненія словесно о важнѣйшихъ обстоятельствахъ, всему проекту принадлежащихъ“. По его замыслу слѣдовало создать особый полкъ „каковой въ теперешнее время очень, очень надобенъ“. Въ этомъ полку должно было быть 12 хоругвей, а строевыхъ и нестроевыхъ чиновъ 52,176 чел., изъ нихъ около 200 человекъ священниковъ и 4,217 человекъ оруженосцевъ, деньщиковъ, караульныхъ и пр. Во главѣ этого удивительнаго воинства, Брызгаловъ рекомендовалъ поставить „герцога Бюртенбергскаго, „онъ важнѣйшій инженеръ и математикъ“. Весьма возможно, что престарѣлому экскастеляну рисовалось опять какое нибудь тепленькое мѣстечко въ одномъ изъ завоеванныхъ іерусалимскихъ замковъ, если и не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для своихъ „любезныхъ сыновъ“, которые уже достигли почтеннаго возраста, вслѣдствіе чего нѣжному родителю едвали удавалось выпрашивать ассигновки на ихъ воспитаніе.

Во всякомъ случаѣ онъ прямо говорить въ своемъ посланіи къ адъютанту великаго князя, чтобы тотъ постарался получить генераль-адъютантство при герцогѣ и тогда „я вамъ своихъ двухъ сыновъ поручу, пускай идутъ съ вами въ Ерусалимъ, выгоняють турковъ изо всей Греціи“. Но времена были уже не тѣ. Брызгаловъ отчасти уже пережилъ своихъ покровителей, отчасти просто надоѣлъ другимъ, да и мода на шутовство въ строгое царствованіе Николая I безвозвратно отошла, съ прочими особенностями XVIII вѣка, въ область преданій. Адъютанту в. к. Михаила Павловича, очевидно, вовсе не улыбалось генераль-адъютантство при главнокомандующемъ „очинь нужного полка“, хотя бы и въ пріятномъ обществѣ „брызгаловскихъ головастиковъ“, какъ именовали ихъ уличные озорники, а потому „важный секретъ сего проекта“ и остался у него въ карманѣ безъ всякаго движенія.

Лѣтъ за 8—9 до своей смерти, будучи уже лѣтъ 80 съ лишнимъ, Брызгаловъ пылко влюбился и сочетался законнымъ бракомъ съ молодой купеческой дочерью, которую страшно ревновалъ, держалъ, буквально, взаперти, исполняя при ней самыя обязанности даже женской прислуги. Несчастливая жертва старческаго сластолюбія и родительскаго тщеславія не вынесла такой жизни, быстро зачахла и умерла. Самъ Брызгаловъ умеръ въ 1841 году 90 лѣтъ отъ роду, будучи крайне дряхль и ветхъ, но до конца дней своихъ, не оставляя своего гаерничества, которое съ теченіемъ времени безусловно стало его естественнымъ и вполне искреннимъ состояніемъ.

Положили въ гробъ послѣдняго кастеляна замка св. Архангела Михаила все въ томъ же малиновомъ мундирѣ съ портретомъ Павла I на груди.

Вѣроятно, въ архивахъ Инженернаго Замка, кабинета Его Величества и канцеляріяхъ бывшихъ генераль-губернаторовъ и оберъ-полицеймейстеровъ можно было бы найти и еще кое какія свѣдѣнія объ этой небезынтересной во многихъ отношеніяхъ личности.

Одинъ изъ сыновей Брызгалова въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія уединенно проживалъ на Пескахъ, въ обществѣ дрессированныхъ собакъ, одѣтыхъ въ фантастическіе костюмы и носившихъ куріозныя имена въ родѣ „Милитриса Кирбитьевна“, „Елизаръ Естифенчъ“ „баронъ Бальтазаръ“ и т. под. Причудливый духъ „высокороднаго бригадира“ пережилъ, очевидно, его брѣнное тѣло.

В. Снегиревъ

